

Вячеслав Вячеславович Киктенко (01.05.1952, Алма-Ата – 02.08.2023, Москва) – поэт, переводчик и эссеист. После школы работал монтировщиком сцены, сварщиком, экскаваторщиком, проводником. В 1980 году окончил Литературный институт имени М. Горького (семинар Льва Ошанина). Работал в русской редакции издательства «Жалын», редактором, завотделом, впоследствии главным редактором журнала «Простор» (1996–1997). После переезда в Москву в 1998 году долгие годы был консультантом в Правлении СП России (куратор национальных регионов), сотрудничая с редакцией журнала «Москва».

Член Союза писателей СССР (с 1984 г.), Казахстана и России. Автор поэтических книг «Росла трава», «Город», «Свет корней», «Прикол-звезда» «Заповедник» и других.

Вячеслав КИКТЕНКО

ПОЖЕЛАЙ ЕМУ ДОБРОГО ЗДРАВСТВИЯ

Аяк-Калкан

Я слышал однажды поющие горы песчаные,
 Я видел змею, что как рыба спала в чешуе,
 Я тронул её – она слушала пенье – нещадные
 Глаза её медленно перетекли в бытие
 И вновь затвердели.
 И снова извечная жажда
 Заполнила два размагниченных пеньем зрачка.
 Поющие горы в пустыне под вечер я слышал однажды
 И понял, что в мире повсюду от музыки боль и тоска,
 Что музыкой в мире налажена тяга взаимная,
 Что всё обратится к истоку, когда завывает земля,
 Плоть рыбы и птицы, глаза человечья, змеиные
 Сольются, терзаясь и воспоминанья дяля
 О тех временах, когда вместе, в едином изгибе...
 Но музыка в недра уходит, как в почву уходит вода.
 Вот пух – это птице. Вот капля солёная – рыбе.
 Песчинка – змее. Человеку – песок и звезда.

Гора**1**

Дождь
Отвратительно теплый лил,
Гул
Подозрительно долгий шел,
Вечер
Мучительно БЫЛ.
Словно глумилась природа:
«Зной – вот и лью,
Надоело – и лью...»
Вечер девятый.
Месяц июль.
Ночь двадцать первого года.
Безлунная ночь.
Ночь...

Кто расковал ледяные оковы?
Или в ущелье ухнули совы,
Или дурной, сумасшедший зной
В горах растопил замок ледяной,
Иль, пробудясь, наваждение-слезу
Выкатил молча старик Туюк-Су
От вековой тоски,
От векового льда...

На город Беда пошла босиком,
На город повеяло холодком,
На город пошла Вода.

2

Свадьба пляшет на крыльце
Пьяная, бесстрашная.
Дом плывет по улице
Деревянный, крашеный.

Ни один не призовет
Господа Всевышнего:
Эка, улица плывет! –
Хватанула лишнего!

Сам хозяин – борода! –
Просит целования...
(Подошла под дом вода –
Снялся с основания).

...Не очухался пока.
Всё толкуешь зря ему:
– Где живем?
– У арыка,
Головного, знакомо...

– Э-э, постой, брат, что со мной,
Не пугай, ребятушки,
Это же базар сеной!..
– Ну а дом-то... Братушки!

Не похмелие – беда,
Не деньгу угробили,
Борода ты, борода, –
Город за ночь пропили!..

3

Того и на завалинке
Не перетолковать...
Была девчонкой маленькой –
Рассказывала мать. –
И вот, берет сомнение, –
Не сель, не гул с горы,
А слово НАВОДНЕНИЕ
Встает из той поры.
И вот – из детства самого,
Лишь глянь из-под руки –
Река стемнела заново
И – крики от реки.
А там такое движется –
Не уберечь ничем,
А там такое слышится!
Всё слышится... Зачем?
И помнится-то малое –
Фигуры, фонари,
Сутулые, усталые,
Чужие – до зари.
Сквозь щель в заборе вряд ли что
Увидишь на реке,
А вот что было рядышком,
В соседском арыке –
Запомнилось,
Запомнилось –
Уже не позабыть:
Камнями дно заполнилось,
Пошло дома дробить.
И понесло овражками
Обломки рам, жердей,
И лошадей с упряжками,
И, кажется, людей.
Но всех сильнее, дурочка,
Жалела я тогда –
В овраге чья-то курочка,
Пеструшечка, – и та...
Крыло из грязи вызволит,
Рванет им как-то вкось,
Копнет, а перья – вислые,
Все косточки – насквозь...
Потом втолкнули в горницу,

Запрятали в дому.
 Та полночь слабо помнится
 Еще и потому.
 И как друг дружку, посланы,
 Того не описать –
 Всю ночь ходили взрослые
 С фонариком спасать...

4

Всё меньше на улицах тех валунов
 Лобастых, лысевших...
 Всё реже увидишь на них пацанов,
 Привычно воссевших.

Ломами, машинами те валуны
 Ломали полвека –
 Зачем они – сверху – с такой вышины,
 К жилью человека?

С чего б это им, у пределов сих,
 Казаться своими?
 И впрямь почитались у нас за своих,
 У каждого – имя.

Мы с ними дружили, у каждого – свой,
 И как в оправданье,
 От взрослых про гул наводнения и вой
 Слышали преданья:

«На то он и камень на гору взнесен,
 Чтоб рухнуть в низине,
 Когда-то он был человеком –
 И он
 Тоскует доньше.

И к людям, не помня времен и границ,
 Приносит былое...»
 Но сила добра, устремленная ниц,
 Становится злою.

Она каменеет, и это – беда,
 Ее зачурали.
 И только лишь дети, и то иногда,
 И то вечерами

Провидят обрывки их путаных снов,
 Лиюющих криков...
 Всё меньше на улицах тех валунов.
 Трава вдоль арыков.

* * *

Точильщик забредал к нам,
 как шарманщик,
 Он нараспев хозяек зазывал,
 С кругов шершавых, бешеных,
 заманивающих
 Готовенькие ножички снимал.
 У-у, как заворожённо и блаженно
 Тянулись мы в кипучий край двора,
 В сиянье сфер, визжаще и скаженно
 Свергающих потоки серебра!
 Он словно налегал плечом,
 раскачивался,
 Ярил ремнями воющий станок,
 И новизной сверкал, и поворачивался,
 И всё ж оттачивался тающий клинок.
 А он, мучитель, жрец огня, скиталец,
 Брал лезвие и, к захлыни сердец,
 С шипеньем легким пробуя о палец,
 Препоручал владельцу наконец.
 К обеде, испросясь хозяек, в кухне
 Он доставал закуску не спеша,
 И пламенные диски грустно тухли,
 В чужих передних мраками дыша.
 А он, касаясь взглядов вороватых,
 Над поклоненьем детским хохотал,
 И, уходя, из-под бровей косматых
 В нас огненными взглядами метал!..

* * *

Ерлану Сатыбалдиеву

Мне думается, ни поэту,
 Ни сказочнику, ни бог весть
 Кому еще – то, чего нету,
 Не выправить в явное ЕСТЬ.
 Ну, разве что тайны, словечки,
 И то подревней, потемней...
 А город делился –
 До речки,
 Вдоль речки,
 И то, что за ней.
 Кому-то всё это в новинку,
 Мол, речек тут знаем штук пять.
 Но Малую Алмаатинку
 Всё ж следует главной признать...
 Шли пятидесятые годы,
 И быт обновлялся, и стиль,
 Менялись военные моды,
 Буржуйки сдавались в утиль.
 Один не сдавался Пугасов,
 Прикаянный временем мост –
 Последний редут керогазов

И птиц довоенных форпост.
 Какая ни есть, показуха
 Чудес, поупавших в цене.
 Лудила, пекла Пугасуха –
 Базарчик на той стороне.
 Там были покруче баранки,
 Козырнее были ларьки,
 В задворках отчаянней лянги,
 Весомей в кону асыки.
 Быть может, всё это, нет речи,
 Лишь детских страстей перехлест,
 Но Город смыкал и Заречье,
 Пугасов диковинный мост.
 Он был знаменито излучен,
 Венец достопамятных сил
 Купеческого благополучья,
 Скрипуч и перильчат он был.
 Сюда нас тянулись оравы
 Из города, из-за реки,
 Купались в запрудах, на травы
 Ложились – там были лужки...
 Но время – раз-два, – и готово,
 Платок на базарный роток
 Накинуло...
 Нет завитого,
 Есть каменный гладкий мосток.
 Однако, выходит, непросто
 Сжигать имена и мосты,
 Коль вновь по Пугасову мосту
 Проходим, как встарь, я и ты.
 Откуда игра на гитаре
 Возникла в незримой листве?...
 Нет рощи, тем более Марьи,
 Есть Марьиная роща в Москве.
 Но, кстати, к вопросу о тайном,
 Который на диво непрост –
 Нет этих мостов по окраинам.
 ... Чур, чур меня, дьяволов мост!

* * *

Уж там, где будущего лишка,
 Цена текущей жизни – грош...
 Когда я был мальчишка,
 Носил он брюки клеш.
 Он их пророчил, курам на смех,
 На рынке –
 Помню как сейчас –
 И брюки, скроенные наспех, –
 Роскошный клёш! –
 Носил, кичась.
 От Леонардо род свой вел он,
 (Ах, нам бы всем отчет такой!)
 И, высотой приневолен,

Не смел разменивать покой
 На однодневки, безделушки...
 И в самой малости – Творил.
 И даже если без полушки,
 Лишь с полумиром говорил!
 Он – леонардич, марсианч...
 Приезжий спросит – кто таков?
 Весь город знал – Сергей Иваныч!
 Иной подскажет – Калмыков.
 Он гений был, иль просто «рыжий»,
 Чудак из городских низов,
 Чьи декорации в Париже
 Вдруг удостоились призов?
 Но Город жил в его рисунках!..
 Среди галактического льда
 Нет-нет, а лик свой и просунет
 Раскосая Алма-Ата.
 Меж звезд, расцветенных неярко, –
 В Коммуну, не куда-нибудь,
 Сквозь арку Городского парка
 «Фордзон» пошел на Млечный путь!..

Ценилась мало, прямо скажем,
 И агитация сия,
 И тяга к бытовым пейзажам
 С прогалами небытия,
 И вышло так – ему ль виниться? –
 Пошли картины по рукам,
 По ниццам да по заграницам,
 Да по столичным знатокам...

Ну как представить город спящий
 Без этакого чудака?
 ...и нежный эльф, в рожок трубящий,
 Меж звезд, на крыльях мотылька...
 Ну как представить город денный
 Без буйства сада и земли?
 ...и вспоены единой веной
 Апорт, и та звезда вдали...
 Как горы без него представить,
 Без этих красок и холста?
 Он ввысь тянулся,
 А туда ведь
 Его тянуло неспроста.
 Насторожившись по-оленьи,
 Он угадал в Алма-Ате
 Вот это горнее стремленье
 Души и Корня – к Высоте.
 С земли – к горе, с горы – в просторы,
 А там – какой простор в мирах!..
 (Так город двигался на горы
 И укрепился на горах.)
 И краски города, что зримы,

И те – сверкнувшие в душе –
 Еще и несоединимы,
 Но не чураются уже.
 И только дело поколенья,
 Передвигающихся лет:
 Опередившее – стремленье,
 И воплощение – вослед.

* * *

Ах, «старрики-старушки»,
 Под тридцать вам небось,
 Кому на «головнушке»
 Купаться довелось.
 И доводы – резонны,
 И понимали – все,
 А всё же на газоны
 Ложились вдоль шоссе
 И жарились досуха
 Под свист горячих шин,
 Едва не возле уха
 Шалееющих машин.

...Узнали о решенье,
 Свинтили шлюзы там.
 Система орошенья
 Нужнее городам
 Веселых детских криков...
 Невелика беда –
 Ясней пошла
 Арыков
 Веселая вода:
 Лопочут, неустанны,
 Как под окном листва...
 Рванула на фонтаны –
 Их много! – пацанва.
 Они, конечно, мелки,
 Да и вода – бульон.
 Зато в своей тарелке
 Теперь любой район.
 И вот – спорхнул с дороги
 Тот ангел, что глядел
 На крестики – в тревоге –
 Блаженных детских тел.
 А что до «головнушки»,
 Журчащей в забытьи,
 Что ж, старики-старушки,
 Ровесники мои...

* * *

«...в 1865 г. переселенец Егор Васильевич Редько из Острогожского уезда Воронежской губернии завез в Верный несколько саженцев яблони Апорт, которая на родине ничем особым не отличалась от других сортов» (Алма-Атинский апорт. Алма-Ата, изд-во «Кайнар», 1977).

Переселенцы из Воронежа,
 Апорт с собой переселившие –
 Почти дичок...
 Но встала креница,
 Сухие зернышки здесь перелившая
 В сырые солнца,
 набухающие
 Паденья гулами громовыми,
 Боками знойно полыхающие
 Почти полукилограммовыми.

Здесь, на прилавках, степью выселенных
 Под заилийскую короницу,
 Очнулось яблоко немислимое –
 Куда степенному Воронежу!
 Здесь – высота, и здесь – неистовство
 Горы с подпочвенной растяжкой.
 Равниной славы той не высвистано,
 А с гор – пустилась во все тяжкие:
 Греметь по выставкам, по ярмаркам.
 Кому с таким тягаться яблоком?

Но как в родном уезде скажется,
 Егор Редько, что эти саженцы –
 Переселенцы из Воронежа.
 Как после этого воротишься
 В места протяжные, полынные,
 Где это яблоко былинное
 Почти дичок...

А всё, что связывает
 С предгорьем корень – еще таинственно,
 А высота – она обязывает,
 А жизнь твоя – она единственна...

...и никуда ты вспять не тронешься,
 Переселенец из Воронежа.

Калейдоскоп

Город вырос – судите сами:
Знай себе визжит тормозами,
Всякий пеший теперь – пассажир.
Там, где кони в конюшнях ржали,
Всё застроено гаражами.

Век антенны насторожил.

Вон троллейбус, как лыжник бешеный,
Пучеглазый, в свитере бежевом,
Палки выбросив за спиной,
Наклонясь и снег рассекая,
Искры белые высекая,
Под уклон летит ледяной!

Вон автобус... Да что им гордиться?
Он, автобус, нездешняя птица,
Он и в поле отлично горазд,
Он отчаянней, междугородней,
От проспектов много свободней,
Вольной волюшке, чёртушка, рад.

Подвесная дорога?
Качается.
А метро?
И метро намечается.
Но метро не люблю –
Дыра.
Ну, да Город зазря не потребует,
И подземкой никто не погребует,
Рюкот верно,
Верно – пора.

Ах, люблю я трамвай!
Раздолбай, колдыбай,
Он не тужит, по рельсам бежит,
Пассажиров смешит-тормошит,
Сам от смеха тихонько дрожит,
Да порою скрипит, огибая углы,
По-дремучему,
По-лесному,
По-берложьи:
Скирлы-скирлы...

Не враждуя, и не злорадствуя,
Пожелай же им доброго здоровья,
Не смущающего души.
Пусть бегут по высокому городу,
Приподнявшему голову гордую,
И машины, и мураши...

*Из сборника стихов «ГОРОД».
Алма-Ата, издательство «Жазушь», 1982. Тираж 7000 экз.
Редактор Кайрат БАКБЕРГЕНОВ*